

Цзян Сяоэр с рождения был болезненным ребёнком, и удары для него были непосильным испытанием. Он походил на Линь Дайюй, только был ещё более хрупким — любое неосторожное движение могло нанести ему серьёзный вред.

Бай Цзыму, не смея больше медлить, бросился вперёд и вцепился в ногу госпожи Хуан. Сначала он хотел укусить её, но мысль о том, что это уподобит его собаке, заставила его лишь отчаянно цепляться за её штанину, пытаясь заставить её отпустить Цзян Сяоэра.

Штаны почти сползли, и госпожа Хуан в панике пнула его. Она не рассчитала силы, а поскольку привыкла к тяжёлой работе, её «Нога-невидимка» оказалась на удивление мощной. Бай Цзыму отлетел на порядочное расстояние и с глухим стуком рухнул на землю, подняв облако пыли. Он прокатился ещё с метр, прежде чем окончательно замер.

Его тело и так было изранено, а в последние дни он жил спустя рукава, только и делая, что спал, и совершенно забросил совершенствование. Раны так и не зажили полностью. От этого удара все его внутренности, казалось, сжались в болезненной спазме, и он долго не мог подняться.

«Старая ведьма... Чёрт бы тебя побрал. Вот вернусь, начну усердно совершенствоваться. А когда поправлюсь, разрою могилы её предков».

Госпожа Хуан мельком взглянула на него, не придав этому значения. Подумаешь, зверь. Сдохнет, ну и пусть.

— А! Мишка, мой Мишка... — закричал Цзян Сяоэр, извиваясь и протягивая руки к Бай Цзыму.

Видя, что он всё ещё смеет сопротивляться, госпожа Хуан пришла в ярость. Да это просто бунт! Потеряв всякую осторожность, она стала бить Цзян Сяоэра по ягодицам ещё сильнее.

Цзян Сяоэр почувствовал, как в груди стало душно и больно, словно на него обрушили огромный камень. Он задыхался. Внезапно в горле запершило, и он с силой выкашлял полный рот крови.

Бай Цзыму застыл. «...Кровью харкает. Всё, дело труба».

Цзян Сяои, заметив это краем глаза, почувствовал, как его зрачки сузились от ужаса. Он закричал пронзительно и неистово:

— Отпусти его! Отпусти!

Госпожа Хуан испугалась. Увидев, что прижатый ею Цзян Сяоэр беспрестанно кашляет кровью, а его лицо стало мертвенно-бледным, она в панике разжала руки.

— Я... я...

Цзян Сяоэр, кашляя, покраснел. Как только госпожа Хуан отпустила его, он безвольно обмяк и рухнул на землю, свернувшись калачиком. Его разрывал надсадный кашель. Цзян Сяои, преодолевая боль, подполз к нему и обнял.

— Сяоэр? Сяоэр...

Все вокруг замерли, ошеломлённые.

Деревня Сяошань была крошечной, и хотя людей было много и случались ссоры, до настоящих драк доходило редко, не говоря уже о кровопролитии.

Шум привлёк внимание, и толпа людей поспешила к месту происшествия, услышав отчаянные крики Цзян Сяои.

Никто в деревне не смел и пальцем тронуть Цзян Сяоэра. Он был маленьким слабаком, который кашлял без умолку после пары шагов. Жители деревни старались обходить его стороной, боясь, что даже порыв ветра от быстрой ходьбы может сбить его с ног. Что уж говорить о рукоприкладстве? Если с ним что-то случится, чем расплачиваться?

А теперь госпожа Хуан посмела его избить... Похоже, быть беде.

Староста деревни и старшие дяди Цзяна, бросились бежать со всех ног.

Цзян Сяои держал на руках брата, который плакал так, что его глаза покраснели. Дыхание смешивалось с хриплыми всхлипами, а в горле будто что-то застряло, издавая свистящие звуки, словно у сломанных мехов.

— Не смей бить моего старшего брата! — отчаянно кричал он, хотя его взгляд уже расфокусировался. Он продолжал махать на госпожу Хуан своими худенькими ручонками: — Не смей бить моего старшего брата, не смей!

Кровь, которую выкашливал Цзян Сяоэр, жгла глаза Цзян Сяои. Его сердце словно вырезали заживо, боль была почти невыносимой. Он прохрипел:

— Не бьют, не бьют... Не говори, милый, не говори. Скажи старшему брату, где-нибудь болит?

— Они... били тебя и... и Мишку, — тяжело дыша, упрямо твердил Цзян Сяоэр. — ...Они били тебя, Сяоэр не хочет... чтобы... они... били... били старшего брата.

Цзян Сяои больше не мог сдерживаться и, обнимая его, разрыдался.

Цзян Сяоэр только что вернулся из города и, не успев даже войти в дом, был снова поспешно отправлен обратно. На земле осталась лужа крови.

Несколько женщин, видя, что дело принимает серьёзный оборот, испугались, что с Цзян Сяоэром действительно случится беда, и попытались ускользнуть, но староста велел остановить их.

Тётушки, жена старшего и второго дяди, прибежали на шум с покрасневшими от гнева глазами и набросились на женщин с руганью и кулаками. Чжан Дая влепила госпоже Хуан такую пощёчину, что та выплюнула два зуба и принялась вопить, что её убивают.

На месте снова воцарился хаос.

Кто-то крикнул, что нужно бежать в горы за отцом Цзяном — без старших в таком деле не разобраться. Хотя Цзян Сяои было уже девятнадцать, и в таком возрасте у других гэ'эров и девушек дети уже всюю бегали, он не был женат и не имел своей семьи, поэтому все подсознательно считали его ещё ребёнком.

Староста, видя, что Цзян Сяоэр выглядит совсем плохо, поспешно велел своему старшему сыну привести воловью повозку.

Цзян Сяои уехал с Цзян Сяоэром в город, в спешке забыв успокоить Цзян Сяосаня. Малыш бежал за повозкой, но его короткие ножки не поспевали за ней. Он споткнулся, упал, а когда поднялся, повозка была уже далеко. Оставшись один, испуганный и растерянный, он опустился на колени у въезда в деревню и горько заплакал.

Старший дядя Цзян и жена второго дяди поехали с Цзян Сяои в город, а второй дядя и жена старшего дяди остались под баньяном. Они даже не заметили, что Цзян Сяосань пропал.

Бай Цзыму думал, что сегодняшний день — это какой-то сплошной кошмар. Непонятно, какую карму отработывали трое братьев Цзян. Мало того что бедные, так ещё и терпят такие издевательства.

Собрав последние силы, он подошёл к Цзян Сяосаню, потянул его за одежду и указал в сторону их дома, давая понять, чтобы тот возвращался и не бегал где попало. И без того всё было слишком запутанно.

Цзян Сяосань, обезумев от страха, ничего не понял. Он обнял Бай Цзыму и зарыдал, обливаясь

слезами и соплями.

— Мишка, всё кончено, всё кончено, второй брат умирает, у-у-у... Сяосань не хочет, чтобы второй брат умирал, Сяосаню страшно, у-у-у...

Бай Цзыму молчал. «...Умереть он не умрёт, просто кровью кашлянул. Меня так сильно пнули, а я ещё не отправился к Царю Яме. Куда уж Цзян Сяоэру».

Бай Цзыму позволил ему обнимать себя некоторое время, а затем повёл домой.

Отца Цзяна нашли в горах и привели домой. Он вбежал весь в поту, в растрёпанной одежде, усыпанной листьями и сухой травой. Колени были в жёлтой грязи — видимо, узнав о случившемся, он так спешил, что упал по дороге.

Он вытер Цзян Сяосаню нос и слёзы, велел ему сидеть дома, никуда не бегать, а если проголодается, идти к двоюродной бабушке. Дав наставления, он, прихрамывая, снова направился в город.

— Отец... — испуганно и панически позвал его Цзян Сяосань, стоя у двери срывающимся от слёз голосом. Он тоже хотел поехать к второму брату. Ему было страшно оставаться одному.

Отец Цзян не мог остаться с ним, лишь махнул рукой, веля ему идти в дом.

Цзян Сяосань не вернулся в комнату. Он обнял Бай Цзыму и сел на порог. Только к вечеру, когда старшая ветвь семьи и староста уладили дела, за ним пришли, чтобы позвать ужинать.

Цзян Сяосань с трудом съел миску каши из диких овощей и снова, ничего не говоря, обнял Бай Цзыму.

Жена старшего дяди со вздохом смотрела на него. Цзян Сяосань обычно много работал и много ел. Обычно ему нужно было съесть две миски, чтобы наесться. Иногда, суровой зимой, когда не хватало зерна и овощей, он съедал одну миску каши, а потом выпивал ещё две миски воды, прежде чем пойти спать. Сегодня днём он съел лишь половину паровой булочки, и больше ничего. Одна миска каши из диких овощей — разве этим наешься?

— Сяосань, съешь ещё одну миску, хорошо? Тётушка тебе нальёт, — ласково уговаривала она.

— Не буду больше, — глаза Цзян Сяосаня всё ещё были красными и опухшими. Днём царил суматоха, и никто его не утешил. Он переживал и боялся, проплакав весь день. Сейчас он отложил ложку, шмыгнув носом и, дрожащей рукой потянув тётушку, поднял на неё глаза. — Тётушка, мой второй брат умрёт?

Жители деревни не привыкли к таким потрясениям. Увидев кровь, они запаниковали. К тому же, когда Цзян Сяоэра сажали в повозку, он всё ещё кашлял кровью, и большая часть его одежды на груди была пропитана ею, а лицо стало совершенно бескровным. Выглядел он совсем плохо.

Учитывая, что Цзян Сяоэр был известен как маленький слабак, тётушка не была уверена, вернётся ли он. Сказать было трудно. Но сейчас, когда Цзян Сяосань так смотрел на неё, она не смела говорить правду и неуверенно произнесла:

— Нет, нет, твой старший брат отвёз его в лечебницу. Врач его осмотрит, и он поправится.

У Цзян Сяосаня снова навернулись слёзы.

— Я скучаю по старшему и второму брату.

Тётушка вздохнула.

За столом все молчали. Каша из диких овощей казалась безвкусной.

Двоюродная бабушка за ужином не смогла съесть ни крошки и тоже расплакалась. Она была уже в преклонных годах и многое повидала. Раньше в деревне были дети, похожие на Цзян Сяоэра. Некоторые семьи были бедными, матери во время беременности страдали, недоедали и постоянно работали. Дети рождались слабыми, как котята, не только уступая в силе другим, но и часто имея какие-то болезни. Такие дети обычно жили два-три месяца, некоторые умирали в несколько лет, но были и те, кому везло больше, и они доживали до десяти с лишним.

Такие врождённые болезни было трудно лечить. Тело было слабым, и в бедной семье выжить было нелегко. Даже если ребёнок вырастал, он не мог выполнять тяжёлую работу.

Двоюродная бабушка всё это знала. Когда Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня только привезли, она ходила их проведать. Цзян Сяоэр был худеньким, не больше мыши, плакал беззвучно, а тело его было синеватым. Бабушка сразу поняла, что с ребёнком что-то не так. Той ночью она не спала, а потом, видя, что Цзян Сяоэра постоянно носит его в лечебницу и поит лекарствами, подумав, сказала отцу Цзяну, может, стоит прекратить.

Дело было не в её жестокости. Жители деревни и так были небогаты, трудились целыми днями, но едва сводили концы с концами. В плохие годы, когда урожай был скудным, приходилось затягивать пояса. Если у кого-то болела голова или поднималась температура, никто не смел идти к врачу — терпели или обращались к знахарю за какими-нибудь травами. Посещение лечебницы в городе стоило не меньше нескольких десятков вэней за раз, а то и больше сотни. Кто мог позволить себе ходить туда постоянно? Даже если бы у них была гора серебра, она бы быстро растаяла.

Отец Цзян был ещё молод и трудолюбив, мог бы найти себе другую жену. Двоюродная бабушка думала об отце Цзяне и Цзян Сяои, да и Цзян Сяосань был ещё. Оставлять Цзян Сяоэра — значит обречь себя на бремя.

<http://bllate.org/book/13701/1586069>